

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.15>

Лошакова Галина Александровна, Смирнова Людмила Евгеньевна

[Рецепция творчества Иоганна Вольфганга Гёте в произведениях Фердинанда фон Заара](#)

Статья посвящена рецепции творчества И. В. Гёте в произведениях известного австрийского прозаика Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833-1906). Показано, что творчество И. В. Гёте было для австрийского автора важным ориентиром в его художественном мире. Установлено, что в текстах Заара присутствуют гётевские реминисценции: герой, повествующий о своем трагическом чувстве в письмах ("Марианна"); имена и сюжетные коллизии ("Герман и Доротея"). Цель статьи - определить степень влияния немецкого классика на творчество австрийского прозаика. Новизна заключается в констатации рецептивного влияния творчества Гёте на мировосприятие и дискурс Ф. фон Заара. Отмечается также процесс творческой переработки тем и мотивов Гёте в произведениях указанного автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/15.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 69-73. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Андреев Л. Г.** Клод Симон. Упорядоченный беспорядок // Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Симон К. Дороги Фландрии: нобелевская лекция. М.: Панорама, 2000. С. 597-605.
2. **Вишняков А. Г.** Приключения Клода Симона в стране большевиков. Статья вторая // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Т. 2. № 2. С. 13-20.
3. **Вишняков А. Г.** Приключения Клода Симона в стране большевиков. Статья первая // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Т. 1. № 1. С. 25-36.
4. **Duncan A.** Introduction // Simon C. Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec la collaboration de J.-H. Duffy. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2006. Vol. 1. P. IX-LXXI.
5. **Ricardou J.** La Bataille de la phrase // Pour une théorie du nouveau roman. P.: Seuil, 1971. P. 118-158.
6. **Simon C.** Album d'un amateur. P.: Rommerskirchen, 1988. 54 p.
7. **Simon C.** Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec B. Bonhomme et D. Zemmour. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2013. Vol. 2. 1636 p.
8. **Simon C.** Œuvres: en 2 volumes / éd. établie par A. B. Duncan, avec la collaboration de J.-H. Duffy. P.: Gallimard; "La Pléiade", 2006. Vol. 1. 1582 p.
9. **Vishnyakov A.** Claude Simon et la Russie. Entretien avec Claude Simon // Presses universitaires de Rennes, "ahiers Claude Simon". 2014. № 9. P. 146-185.
10. **Vishnyakov A.** L'œuvre de Claude Simon. Un regard russe / Editions universitaires européennes. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017. 149 p.

Claude Simon: Life and Creative Path

Vishnyakov Aleksei Georgievich, Doctor in Philology, Associate Professor
University for Humanities and Technologies, Orekhovo-Zuyevo
agvishnyakov@list.ru

The article provides a brief bio-bibliographical analysis of the life and half-a-century creative activity of a famous representative of the French nouveau roman (new novel) movement, Nobel laureate Claude Simon. It is emphasized that the nouveauté works – the most complicated and fundamental in the French literature of the XX century – can be adequately interpreted only against the background of his long life full of mysteries and paradoxes. The paper introduces into scientific use previously unknown information obtained from interviews with the writer himself and his contemporaries, from analysis of his works.

Key words and phrases: Claude Simon; nouveau roman (new novel); Alain Robbe-Grillet; Russian formalists; bio-bibliographical approach; French literature of the XX century.

УДК 821.112.2(436)

Дата поступления рукописи: 11.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.15>

Статья посвящена рецепции творчества И. В. Гёте в произведениях известного австрийского прозаика Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833-1906). Показано, что творчество И. В. Гёте было для австрийского автора важным ориентиром в его художественном мире. Установлено, что в текстах Заара присутствуют гётевские реминисценции: герой, повествующий о своем трагическом чувстве в письмах («Марианна»); имена и сюжетные коллизии («Герман и Доротея»). Цель статьи – определить степень влияния немецкого классика на творчество австрийского прозаика. Новизна заключается в констатации рецептивного влияния творчества Гёте на мировосприятие и дискурс Ф. фон Заара. Отмечается также процесс творческой переработки тем и мотивов Гёте в произведениях указанного автора.

Ключевые слова и фразы: рецепция; образ героини; деконструкция; новеллистическое напряжение; И. В. Гёте; Ф. фон Заар; бюргерский реализм; идиллические мотивы.

Лошакова Галина Александровна, д. филол. н., доцент

Смирнова Людмила Евгеньевна, к. пед. н.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
lgalin7@mail.ru; piramida_ul@mail.ru

**Рецепция творчества Иоганна Вольфганга Гёте
в произведениях Фердинанда фон Заара**

Научная новизна данного исследования заключается в открытии некоторых аспектов рецепции Иоганна Вольфганга Гёте в австрийской литературе XIX века. Творчество значительного австрийского прозаика

Фердинанда фон Заара (1833-1906) недостаточно исследовано в рамках «австристики» в России. **Актуальность** вопроса состоит в необходимости изучения рецепции творчества Иоганна Вольфганга Гёте в различные историко-культурные периоды в немецкоязычных странах, в том числе и в Австрии. Отечественное литературоведение в последние десятилетия проявляет устойчивый интерес к проблемам становления и эволюции австрийской литературы. Заявленная тема может способствовать дальнейшему изучению национальных кодов родственных европейских литератур.

Цель статьи – наметить вопросы исследования литературного влияния великого немецкого поэта на творчество Заара. **Задачи** исследования состоят в том, чтобы рассмотреть противоречивый процесс гётевской рецепции в Австрии в XIX веке, ее особенности в произведениях Ф. фон Заара, черты деконструкции образа Лотты (Гёте) в новелле «Марианна».

И. В. Гёте в начале XIX столетия был признан в Австрии как величайший немецкий поэт. Исследователи говорят об особой эпохе Гёте, понимание которой связано здесь, прежде всего, с процессом рецепции творчества немецкого гения [10, S. 318]. Через восприятие произведений Гёте формировались нередко мировоззрение и авторская позиция того или иного австрийского литератора. Популяризации творчества Гёте в Австрии способствовали такие литераторы, как Э. Фейхтерслебен (1806-1849), университетские профессора и литературные критики А. Флир (1805-1859), Ф. Т. Братранек (1815-1884).

Рецепция творчества Гёте в Австрии была вместе с тем достаточно противоречивой [2, с. 20]. Так, например, существовали многочисленные пародии на образ Фауста [11, S. 278]. Следует также отметить, что драматическую поэму «Фауст» (1836) австрийского автора Николауса Ленау можно рассматривать как антитезу гётевскому произведению. Х. Цеман указывает, что в данном случае «для этого Фауста не существует ни божественного спасения, ни божественной милости, так как он не осознает в своем полубессознательном состоянии своей вины и ответственности» [Ibidem, S. 339]. В процессе рецепции творчества Гёте в австрийской литературе XIX века можно выделить две тенденции. Одна из них может быть проиллюстрирована на примере Франца Грильпарцера, вторая связана с именем Адальберта Штифтера. Если рецепция Гёте со стороны Грильпарцера была неоднозначной и противоречивой, то восприятие творчества и личности немецкого поэта Штифтером было всегда восторженным и почтительным.

Грильпарцер утверждает в своих произведениях долг человека перед другими и бытием в целом, в творчестве Гёте герои руководствуются свободной волей в выборе жизненного пути и собственным призванием [Ibidem, S. 334]. Цеман замечает в связи с этим: «Гёте еще с юности говорил о самоутверждении индивида, о свободном, общественном деянии зрелого человека, который сам создает миропорядок. Грильпарцер же на протяжении многих лет изображает в своих произведениях то, как человек должен присоединиться к предустановленному, признанному, необходимому миропорядку» [Ibidem, S. 333].

Роман «Бабье лето» А. Штифтера, как известно, также сравнивают с гётевской диалогией о Вильгельме Мейстере [1, с. 687]. «Два величественных создания немецкого духа включены в мир “Бабьего лета” и составляют его основу. Это творчество Гёте и творчество Жана-Поля» [Там же, с. 688]. Однако существует значительное различие в художественной структуре романов Гёте и Штифтера. Оно точно подмечено Г. Лауфхютте. В «Вильгельме Мейстере» – «иронически-веселая демонстрация того, что счастливую, активную, может быть, даже разумно планируемую жизнь можно вести лишь при определенных условиях; у Штифтера – полностью серьезное, без тени юмора повествование о закономерности успеха, если помощь и планомерное руководство приходят извне, и, напротив, неотвратимости крушения при отсутствии таковых» [6, S. 173]. Гёте, однако, оставался для Штифтера идеальным образом поэта на протяжении всей его творческой биографии.

Для австрийских писателей второй половины и конца XIX века Гёте также является великим классиком, творческий опыт и художественные достижения которого осваиваются и переосмысливаются заново. Творчество великого немецкого автора было для Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833-1906), одного из значительных австрийских писателей второй половины XIX века, важным нравственным и эстетическим ориентиром в литературе. Фердинанд фон Заар является одним из представителей реалистической литературы XIX века, а именно бюргерского или поэтического реализма. Специфика немецкоязычного реализма середины – второй половины XIX века заключалась в отказе от острых социальных тем, в разочаровании и недоверии к новым общественным движениям, в попытке гармонизации обыденного бюргерского существования. Вместе с тем фон Заар вписывается и в структуру европейского реализма, в основе которого лежит анализ социальной сущности, социально-политических противоречий современной общественной системы. В его произведениях можно было выделить некоторые направления и дискурсы, присущие только ему и ставшие именно теми предпосылками, которые превознесли Заара к статусу исключительно современного автора конца XIX – начала XX века (социальные и психологические противоречия брака и семьи, невротические женские комплексы). Писатель проецирует нередко в своем повествовании необычный авторский взгляд, который можно соотнести с психоанализом Зигмунда Фрейда. В некоторых своих новеллах («Замок Костениц», “Schloss Kosteniz”, 1892) он создает непривычные ландшафты, связанные с внедрением промышленности в природу. Однако, осознавая вызовы современного ему предреволюционного мира, он пытается реконструировать в своем дискурсе как идиллические мотивы, так и сам жанр идиллии (“Hermann und Dorothea. Ein Idyll in fünf Gesängen”, 1902).

Хотя Заара причисляли к талантливым драматургам своего времени, его произведения не были поставлены на австрийской сцене. Публичное признание Фердинанд фон Заар получил в 1890-х годах. Как лирик он стал известен благодаря своим стихам («Венские элегии», “Wiener Elegien”, 1882). Его талант рассказчика также был

признан читателями еще при его жизни. Цикл «Новеллы из Австрии» (“Novellen aus Österreich”, 1877, 1897) можно смело поставить в один ряд с величайшими циклами романов О. Бальзака и Э. Золя, которыми Фердинанд фон Заар и был в свое время вдохновлен. Писать свои рассказы Заар начинал, однако, под влиянием Адальберта Штифтера, Ивана Сергеевича Тургенева, пытаясь создать новеллистическую панораму австрийского общества эпохи Франца Иосифа. О влиянии на Заара творчества Иоганна Вольфганга Гёте свидетельствует не только его поэма «Герман и Доротея» (1902), но и ряд его прозаических текстов. В своих новеллах Заар исследовал психологические и социальные конфликты («Новеллы из Австрии»). В новелле «Марианна» (“Marianne”, 1873) он обращается к сюжету «Страданий юного Вертера», переформатирует его в духе современности.

Гётевские реминисценции, указывающие на роман «Страдания юного Вертера», очевидны: эпистолярная форма повествования; герой, пишущий письма своему другу; любовная коллизия. Интересно, что в своем восторженном письме Заару в связи с появлением «Марианны» такая значительная писательница, как М. фон Эбнер-Эшенбах, отмечает среди достоинств произведения опору автора на «Страдания юного Вертера» в создании женского образа. «Прекрасно слово: я научилась, отрешившись от себя, смиренно наслаждаться. Никогда еще ни один писатель не приближался так близко к женскому гётевскому образу, как Вы в Вашей “Марианне”» [5, S. 46]. Действительно текст Заара буквально соткан из реминисценций гётевского романа. В данном случае необходимо отметить также, что австрийскому писателю нередко в целом свойственна своего рода «кристаллизация» материала прочитанных им произведений [3, с. 44]. И Гёте является в данном случае тем автором, у которого он учится, заимствуя конфликты и героев («Марианна», «Герман и Доротея»).

Итак, необходимо обратиться к тексту. В конце мая герой, от лица которого ведется повествование, пишет своему другу об одиночестве, которое он испытывает, приводя цитату из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». «Кто предается одиночеству, тот часто один...», – поет арфист у Гёте» [9]. Со всей очевидностью можно утверждать, что читатель знакомится именно с автобиографическим героем, для которого характерны все пристрастия автора. Из текста можно понять, что это писатель, ищущий уединения и творческого вдохновения, подобно тому, как Вертер пытался отыскать то же самое в небольшом живописном городке.

Однако основная содержательная линия связана с образом героини, являющейся своего рода маской Лотты, заимствованной Зааром из гётевского романа. Марианна постоянно в окружении детей, которых она нежно и трепетно любит (ее брак бездетен), она обладает добрым сердцем и живым темпераментом. Обыгрыванием гётевского персонажа Альберта можно считать и антагонистический образ ее супруга, господина Дорнера, делового человека, сухого и грубого по отношению к жене человека. «Только в присутствии своего супруга... она становится тише и молчаливее. Можно отчетливо заметить, что ее радостное и открытое поведение он, как и многие сухие и недостаточно образованные люди, воспринимает как нечто недостойное и видит в нем, точно так же, как и в ее прелестной... ограниченности, которую Марианна проявляет в некоторых вещах, глупость и недостаток разума» [Ibidem]. Грубость Дорнера проявляется во многих его поступках. Так, он выхватывает карты из рук жены и бросает их на стол, упрекая ее в том, что она не может считать. Он делает ей сухие и невежливые замечания. Все вокруг сторонятся господина Дорнера, и даже кошка при виде его убегает прочь, так как однажды он ударил ее палкой. Как известно, Альберт из «Страданий юного Вертера» производил впечатление разумного и рационально мыслящего бюргера, поведение которого было вполне корректно. Между тем герой Заара, будучи также достаточно успешным в своих делах, самоуверенно выражает свое негативное отношение не только к жене, но и к окружающим ее людям. «Вообще присутствие Дорнера постоянно сковывает всех и действует на всех удручающе: никто не смеет произнести естественное, приветливое слово» [Ibidem].

В ходе повествования происходит дальнейшее разрушение заимствованного у Гёте женского прототипа. Марианна больна (в характеристике героини отмечаются такие черты, как лихорадочность, внезапное покраснение лица, склонность к обморокам). Заар трансформирует образ Лотты-Марианны, срывает маску добропорядочной бюргерской жены, под ней оказывается страдающая от отсутствия любви женщина, лишенная также и счастья материнства, ищущая понимания, доброты и настоящего чувства.

Новеллистическое напряжение находит выход в финальном эпизоде, когда герой и Марианна на прощание проносятся в экстатическом танце, выражающем их страсть. «Еще раз!» – произнес я и обхватил ее. И когда мы теперь во второй раз, услышав страстные звуки, обняли друг друга, тогда во мне прорвалась вонне давно сдерживаемая страсть, подобно раскованной природной стихии. Я привлек Марианну к себе; я ниже склонил свою голову к ней; мои губы касались ее волос, ее лба. Она позволила это и смотрела, улыбаясь, на меня. Мы обхватывали друг друга все крепче и крепче; наши щеки, наши губы соприкасались; наше дыхание слилось воедино. Так неслись мы, в опьянении души, отрешенные от мира, между небом и землей! Вдруг мне показалось, как будто бы она ускользает; моя рука пыталась удержать ее; но я зашатался сам, и вот она тяжело поникла ко мне, с запрокинутой назад головой и застывшим взглядом» [Ibidem]. Будучи выразителем настроений и чувств своего времени, Заар изображает в итоге не любовь-томление или любовь-тоску, но любовь-страсть, диктуемую самой природой. Героиня умирает в танце от сердечного приступа. Любовное чувство в интерпретации автора связывается с семантикой болезни и смерти. Заар был одним из первых писателей в австрийской литературе второй половины XIX века, изобразивших психологические противоречия брака. Опираясь на структуру романа И. В. Гёте, он показал в рамках повествования и сложности любовного чувства, уходящего корнями в естественную природу человека, предвосхитив уже в какой-то степени психоаналитические наблюдения З. Фрейда. Заар показывает отсутствие любви в жизни своих, как правило, автобиографических героев как некую экзистенциальную драму.

Ощущение, что время светлых и великих чувств безвозвратно ушло вместе с поэтами прошлого, также присуще Заару во всех его произведениях. Писатель выражает и ностальгию по ушедшим поэтам и литераторам,

среди которых на первом месте со всей очевидностью стоит И. В. Гёте. В 1880 году Заар посылает в Веймар герцогу Карлу Александру Заксен-Эйзенах свою драму «Оба де Витта» (“Die beiden de Witt”) со стихотворным посвящением, в котором он с грустью говорит, что прошли времена, когда вдохновенно творили Шиллер и Гёте. О своем времени и своем поколении он утверждает, что «мы другие и можем быть только отражением тех...» [7]. Однако он выражает надежду, что и его произведение является не только отблеском «истинного бытия», но по-настоящему показывает мир.

Vorüber ist der Dichtung Morgenröthe,
Vorüber ist die schöne, grosse Zeit,
Da an dem Hof von Weimar Schiller, Goethe
Gelebt, gewirkt in ihrer Herrlichkeit.
Wir And'ren, die da leben jetzt und ringen,
Wir können nur der Abglanz *Jener* sein [Ibidem]... /

Погасла утренняя заря поэзии, миновало прекрасное, великое время, когда при дворе в Веймаре жили Шиллер, Гете, творили величаво. Мы – другие, живущие и борющиеся теперь, мы можем быть только отсветом тех...

В 1900 году в связи с открытием памятника Гёте в Вене в журнале «Венские картины» было опубликовано стихотворение Заара, посвященное этому событию. В нем снова повторяется мотив бренности жизни, противопоставленной вечности, в которую ушли великие поэты, в том числе и Гёте. Памятник сияет, и «мимо него пронесется широкий поток жизни города» [4]. И все, кто спешит мимо него, должны были бы снова открыть великого поэта. В олимпийском спокойствии, согласно Заару, взирает на Вену великий немецкий поэт. В то же время его образ – это символ будущего, на которое уповают все люди в надежде. «После мучений и раздоров, после борьбы и кровавых войн оно (будущее) однажды победит под этим знаком» [Ibidem].

В начале XX века Заар создает идиллическую поэму «Герман и Доротей. Идиллия в пяти песнях» (1902). Произведение генетически и текстуально восходит к одноименной идиллии Гёте, которого автор неоднократно цитирует. Обращение к сюжету гётевской идиллии «Герман и Доротей» можно объяснить тем обстоятельством, что Заар, подобно великому немецкому поэту, стремится противопоставить войнам и революционному насилию гармоничное разрешение проблем времени. Заар полагал, что сюжет «Германа и Доротей» будет актуален для современной ему Австрии.

Герой, Герман, возвращается после военной службы на родину, в Моравию. Он мечтает построить новый дом, жениться. Доротей, несмотря на то, что она стоит выше его в сословном отношении, принимает его предложение. Этим исчерпывается сюжет. Однако для автора здесь было важно показать наметившийся национальный конфликт и возможный путь его разрешения. Не случайно упомянут Бисмарк, который, по мнению старейшин моравского села, действовал так, что Австрии грозит распад [8, S. 47]. Бургомистр же напоминает жителям в 3-й части поэмы: «Мы мирно настроены и хотели бы мирно ладить со славянами страны, так как мы ведь все моравцы» [Ibidem, S. 54]. В конце идиллии выражено пожелание, чтобы жизнь Германа и Доротей протекала «по светлому пути». Следует отметить, что идиллия Заара, так же как и поэма Гёте, основывается на структуре путешествия, пути. Дорога в обоих случаях приводит Германа и Доротей к счастью, миру, любви. Как и у Гёте, в поэме остановлено время. Пространство у Заара сужается, что подчеркнуто тем обстоятельством, что Доротей намерена возвратиться из Вены в свой родной край.

На основании изложенного в статье можно прийти к следующим **выводам**. На протяжении всей своей творческой жизни Ф. фон Заар обращался к творчеству Гёте, пытаясь отыскать в нем точку нравственной и эстетической опоры. В своих художественных и нравственных исканиях Заар не видел противоречий личности и произведений немецкого гения, как это имело место в случае с Грильпарцером. Он видел и знал Гёте реального, своего старшего современника, уважения которого он добивался. Осознание Гёте как идеала поэта сближает Заара со Штифтером. Однако и здесь можно говорить отчасти о дифференцированной рецепции творческого опыта Гёте. Как Генрих Дрендорф Штифтера не есть Вильгельм Мейстер, так и Марианна Заара не равнозначна гётевской Лотте. Гёте хотел показать в «Страданиях юного Вертера» безответную любовь и страдания героя, усугубленные непониманием окружающих. Заар изображает любовное чувство героя, также не находящее выхода, но превратившееся в конечном итоге в страсть, несущую гибель любимой женщине. Чувства героев Заара несут в себе нечто болезненное, гибельное, катастрофическое (не случайно введены эпизоды слабости и физических страданий героини). Заар вместе с тем, как было показано, отыскивает в творчестве Гёте идиллический образец, который он хотел бы противопоставить своему времени с его социальными и национальными конфликтами («Герман и Доротей»).

Список источников

1. Гофмансталь Г. «Бабы лето» Штифтера // Гофмансталь Г. Избранное. Драммы. Проза. Стихотворения / пер. А. Михайлова. М.: Искусство, 1995. С. 687-694.
2. Лошакова Г. А. Художественная проза бидермейера в Австрии: автореф. дисс. ... д. филол. н. Н. Новгород, 2014. 45 с.
3. Полубояринова Л. Н. «А теперь еще и Тургенев!». Истоки, основания и ключевые параметры рецепции русского классика в Австрии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. 248 с.
4. Assel J., Jäger G. Goethe-Denkmalier [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goethezeitportal.de/wissen/illustrationen/johann-wolfgang-von-goethe/goethe-denkmaleier/wiener-goethedenkmal.html> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Klausner H. Ein Poet aus Österreich: Ferdinand von Saar. Leben und Werk. Wien: Literas-Universitätsverl., 1990. 281 S.
6. Laufhütte H. Anverwandlungen und Selbststilisierungen. Zur Bedeutung Goethes für das literarische Selbstverständnis Gottfried Kellers und Adalbert Stifters // Stifter und Stifterforschung im 21. Jahrhundert: Biographie – Wissenschaft – Poetik / hrsg. von A. Doppler, J. John, J. Lachinger, H. Laufhütte. Tübingen: M. Niemeyer Verl., 2007. S. 163-182.

7. Saar F. Dem Grossherzog Karl Alexander von Sachsen-Weimar-Eisenach [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Saar,+Ferdinand+von/Gedichte/Gedichte/Drittes+Buch/In+memoriam> (дата обращения: 10.02.2020).
8. Saar F. Hermann und Dorothea / hrsg. von R. Bogner. Saarbrücken: Universitätsverl., 2011. 88 S.
9. Saar F. Marianne [Электронный ресурс]. URL: http://www.deutschestextarchiv.de/book/show/saar_novellen_1877 (дата обращения: 10.02.2020).
10. Seidler H. Österreichischer Vormärz und Goethezeit. Geschichte einer literarischen Auseinandersetzung. Wien: Verl. der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982. 454 S.
11. Zeman H. Die österreichische Literatur im Zeitalter Maria-Therσίας und Josephs II // Literaturgeschichte Österreichs. Von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. Graz: Akademische Druck und Verlagsanstalt, 1996. S. 303-360.

Reception of J. W. Goethe's Works by Ferdinand von Zaar

Loshakova Galina Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Smirnova Lyudmila Evgen'evna, Ph. D. in Pedagogy
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
lgalin7@mail.ru; piramida_ul@mail.ru

The article considers the reception of J. W. Goethe's works by the famous Austrian prose-writer Ferdinand von Saar (1833-1906). It is shown that J. W. Goethe's creative work was an important landmark in the artistic world of the Austrian writer. It is ascertained that Saar's texts contain Goethe's reminiscences: the hero who describes in letters his tragic love story ("Marianne"); the personages' names and plot collisions ("Hermann and Dorothea"). The article aims to identify the degree of the German classic's influence on the Austrian writer's creative work. Originality of the study involves postulating the receptive influence of Goethe's works on F. von Zaar's worldview and discourse. The paper concludes about creative re-interpretation of Goethe's themes and motives in F. von Zaar's works.

Key words and phrases: reception; heroine's image; deconstruction; novelistic tension; J. W. Goethe; F. von Saar; bürger's realism; idyllic motives.

УДК 82(1-87)

Дата поступления рукописи: 02.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.16>

Статья посвящена проблеме жанровой природы библейской драмы Д. Г. Байрона «Каин». Дается характеристика мистерии как онтологического жанра, логика которого требует создания предельно обобщенной модели мироздания и тем самым наделяет мистику мифотворческим потенциалом. Отмечается, что байроновское определение жанра «Каина» как мистерии правомерно, поскольку поэт модифицировал жанровую форму мистерии применительно к Новому времени. Делается вывод о том, что Байрон, сталкиваясь в «Каине» библейскую и естественнонаучную модели вселенной, создал авторский романтический миф, отражающий двойственное представление своего современника об устройстве мира.

Ключевые слова и фразы: Байрон; «Каин»; библейская драма; жанр мистерии; романтическое мифотворчество.

Михайленко Елена Николаевна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет, г. Уфа
mikhaylenko71@bk.ru

Мистерия Нового времени: о жанровой природе библейской драмы Д. Г. Байрона «Каин»

Перед современным литературоведением стоит задача пересмотра ряда традиционных подходов к творчеству поэтов романтического периода и включения романтического наследия в широкий общекультурный контекст. Так, есть основания заново поставить вопрос о жанровой специфике библейских драм Д. Г. Байрона, к числу которых относится «Каин» (1821). Этим обусловлена **актуальность** настоящей статьи. Результаты исследования могут найти свое практическое применение в вузовских основных курсах и спецкурсах по истории литературы и культуры европейского романтизма.

Проблема жанрового своеобразия библейских пьес Байрона возникает в ряде работ отечественных ученых. Однако, несмотря на многоплановость и плодотворность исследований, ни одна из известных нам работ не ставит проблемы целостного анализа библейского материала, использованного поэтом, с точки зрения романтического мифотворчества и жанра, ставшего для него основой. В настоящей статье мистерия Байрона рассматривается именно в этом ключе, чем и определяется ее **научная новизна**. Кроме того, в отечественном байроноведении традиционно подвергается сомнению правомерность определения библейских пьес Байрона как мистерий, с чем мы не можем согласиться. **Целью** настоящей статьи является доказательство того, что «Каин» представляет собой образец романтического мифа, облеченного в модифицированную жанровую форму мистерии, воспроизводящую обобщенную модель мира, которая начала складываться в Новое время с характерным для него постепенным вытеснением религиозного мышления естественно-научным. В связи